

В. С. Парсамов
ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР И АДМИРАЛ П. В. ЧИЧАГОВ

УДК 94(470) «18»

ББК 63.3(2)521.1

В статье исследуется роль Жозефа де Местра в восстановлении репутации П. В. Чичагова после провала Березинской операции в ноябре 1812 г. Резкие суждения Местра, полностью оправдывающие Чичагова и осуждающие М. И. Кутузова как за бездеятельность во время пребывания наполеоновской армии в России, так и за интриги против Чичагова, критически анализируются в сопоставлении с мнениями других современников тех событий, в первую очередь С. Р. Воронцова, для которого главным виновником клеветы на Чичагова был канцлер Н. А. Румянцев. По мнению Воронцова, Румянцев сумел столкнуть интересы Чичагова и Кутузова при подписании Бухарестского мира. Однако главная причина негативного отношения русского общества к Чичагову в 1812 г. заключалось не в чьей-то злой воле, а была вызвана репутацией галломана и поклонника Наполеона, закрепившейся за Чичаговым еще до войны 1812 г.

Ключевые слова: *П. В. Чичагов, Ж. де Местр, Березинская переправа, М. И. Кутузов, С. Р. Воронцов, Н. А. Румянцев*

«Спорили о материи и духе, о провидении, о системе Коперника и т. д. и оказывались на диаметрально противоположных позициях. Несмотря на это, Местр любил Чичагова и во время их разлуки, когда Чичагов был в Париже, мечтал о том, как будет еще дремать в его креслах, а в промежутках спорить с ним».¹ Такими, по характеристике историка А. Н. Шебунина, были отношения двух известных персон XVIII–XIX вв. — сардинского посланника в Петербурге, идеолога консерватизма Жозефа де Местра (1753–1823) и русского адмирала Павла Васильевича Чичагова (1767–1849), который в 1812 г. командовал Дунайской армией.

В истории этих отношений важную роль играет депеша Местра от 2 июня 1813 г. Ее копия и сопроводительное письмо отложились в архиве князей Воронцовых и были опубликованы без комментариев в 15-м томе издания этого архива. В 1912 г. появился русский перевод этих документов также без пояснений.² В публикации опущена и предваряющая

письмо надпись «Au chancelier» («Канцлеру»),³ указывающая на то, что копия депеши отправлена канцлеру Н. П. Румянцеву. Письмо содержит резкие выпады против Местра, который, по словам автора, стремился «подорвать славу Русского народа и князя Кутузова» и одновременно льстил Александру I, проводя таким образом «разделительную черту между Государем, справедливо уважаемым и ценимым, и его народом, только что явно доказавшим ему свою привязанность».⁴ Особое внимание автор письма обращал на Чичагова: «Главный предмет этого донесения состоит в том, чтоб оправдать адмирала Чичагова в приписываемых ему в Англии ошибках, в его действиях при Березине. Но мне претит допустить, чтобы это делалось с ведома адмирала Чичагова. Зная возвышенные чувства адмирала, нельзя его заподозрить в допущении, — хотя бы с тайного его на то согласия, — позорить его родину, чтобы вернуть себе мнение чужой нации».⁵ На первый взгляд, автор симпатизирует Чичагову. Но фраза: «Считаю, однако, нужным сделать известным вашему сиятельству, что это донесение, написанное без шифры, было поручено английскому курьеру и, следовательно, известно Английскому министерству»,⁶ настойчиво акцентирует тот странный факт, что Местр отправил депешу

¹ Цит. по: Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30. С. 591; Maistre J. de. Oeuvres complètes. Т. 1–14. Lyon, 1885. Т. 11. Р. 393–396; 450, 464. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием римскими цифрами номера тома, арабскими — страницы.

² Депеша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 года // Русский архив. 1912. № 1. С. 46–61.

³ Письмо неизвестного лица о донесении графа Местра Сардинскому королю // Русский архив. 1912. № 1. С. 62, 63.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Там же.

из Петербурга сардинскому королю, во-первых, незашифрованной и, во-вторых, с чужим курьером и через Англию, где общественное мнение о Чичагове было неблагоприятно. Именно эту страну Чичагов рассматривал как возможное место своей эмиграции. Отрицание его заинтересованности, настойчиво проводимое в письме, подспудно должно было навести адресата на обратную мысль. Возможно, автор, зная об отрицательном отношении Румянцева к Чичагову, предоставлял канцлеру возможность использовать донесение посланника против опального адмирала.

Здесь следует отметить, что депеша Местра была написана в тяжелый для Чичагова период, когда на него со всех сторон сыпались обвинения в том, что по его вине Наполеон смог покинуть Россию. Адмиралу тем самым вменялось в вину то, что война не завершилась на берегах Березины и еще продолжается в Европе. Ф. Ф. Вигель, собиравший слухи о Чичагове и сам сгущавший краски, характеризовал его как «гордого и злого ненавистника своего отечества». «Нельзя изобразить, — писал он, — общего на него негодования: все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его неискusstво, и Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, т. е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском».⁷ Примеров подобных мнений, зафиксированных мемуаристами, много, но дело не только в них. К отечественным гонителям Чичагов относился с нескрываемым презрением. Для него важнее было не прослыть в Европе «ангелом-хранителем Наполеона» (как его аттестовал Ланжерон, командующий одним из корпусов Чичагова). Дело в том, что адмирал собирался натурализоваться в Европе, возможно в Англии, для которой Наполеон был врагом номер один. Не случайно копия депешы Местра отложилась в Англии, в бумагах С. Р. Воронцова.

Семен Романович Воронцов был одним из ближайших к Чичагову людей.⁸ В письмах Чичагов называл Воронцова «mon adorable père» ('мой восхитительный отец'), а Воронцов его — «mon cher fils» ('мой дорогой сын'). По замыслу Чичагова, Воронцов должен был способствовать формированию благоприятного

для него общественного мнения в Англии. Он и Александр I стали первыми, кому Чичагов сообщил о Березинской переправе. 17 ноября 1812 г., когда остатки Великой армии, уходя на запад, сожгли за собой мосты через реку, Чичагов послал два письма Александру I. В первом он, еще не вполне осознавая возможные для себя последствия, писал о победе: «Сию минуту узнаю, что враг уходит, буду его преследовать; надо надеяться, что после него придут и все другие и что отсюда до Парижа он еще много потерпит потерь».⁹ Но уже в тот же день Чичагова посещает мысль, что именно он будет ответствен за то, что Наполеон сумел уйти. И он пишет царю новое письмо, в котором пытается оправдаться недостатком сил, имевшихся в его распоряжении.¹⁰

В армии действия Чичагова не вызывали осуждения, о чем свидетельствуют, в частности, донесения сэра Роберта Томаса Вильсона лорду Кэткарту, английскому посланнику в Петербурге, в одном из которых он сообщал: «Я ни от кого не слышал, чтобы адмирал заслужил неодобрение».¹¹ Но в столице рассудили иначе. Уже сам факт назначения адмирала командующим сухопутной Дунайской армией был встречен скептически, и не только врагами Чичагова. Так, 6 сентября 1812 г. С. Р. Воронцов писал сыну Михаилу: «...несмотря на принципы чести, мужество и деятельность нашего Павла Васильевича, я сомневаюсь, что он смог бы в один момент стать искусным генералом армии, проведя всю свою жизнь на морской службе».¹²

Неторопливое движение Чичагова из Молдавии на Березину¹³ вызвало шквал острот (brocard) у петербуржцев: «...один говорил: Адмирал вышел из строя, другой — он бросил якорь, третий — ему дует встречный ветер и т. д. и напирали на то, что смешно доверять армию адмиралу» (X, 299). Недовольство действиями Чичагова резко возросло 2 ноября, когда стало известно о сражении при Чашниках, в котором Витгенштейн одержал победу

⁷ Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 683.

⁸ П. В. Чичагов писал: «... граф Воронцов стал обходиться со мной не только весьма дружески, но сделался впоследствии одним из нежнейших друзей и благодетелей» (Чичагов П. В. Записки. М., 2002. С. 586, 587).

⁹ Письма адмирала Чичагова к Императору Александру I // Сборник Русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ Вильсон Р. Т. Дневник и письма: 1812–1813. СПб., 1995. С. 225.

¹² Архив князя Воронцова. Т. 17. М., 1880. С. 253.

¹³ Ж. де Местр объясняет задержку интригами французов в Константинополе, переправой через реку Прут, а главное, тем, что Чичагов увлекся преследованием австрийского корпуса Шварценберга, который стремился увести его от коммуникационных линий Наполеона в Польшу (XII, 298–299).

над корпусами маршалов Сен-Сира и Виктора, насчитывавшими, по данным Местра, 40 000 человек.¹⁴ Сардинский посланник писал: «Сильно испугались за русского генерала, который, как говорили, повис в воздухе и у которого было не более 30 000 человек, почти без артиллерии. Это заставило громко кричать против адмирала Чичагова» (XII, 297). В случае поражения Витгенштейна Чичагов, по мнению Местра, был бы обвинен в неоказании ему помощи. Но 5 ноября адмирал занял Минск, являвшийся одной из важнейших баз французов,¹⁵ и установил связь с Витгенштейном. Таким образом, в тылу наполеоновской армии, отступавшей от Красного, оказались две русские армии. Известие об этом, полученное в Петербурге 6 ноября, по словам Местра, «произвело сенсацию». В состоянии эйфории петербуржцы, которые еще два месяца назад готовились к эвакуации, начали рассуждать о том, «возьмут ли Наполеона живым или мертвым» (XII, 296). При этом не совсем понятным образом распространилось мнение, что именно Чичагов должен схватить Наполеона. Возможно, на это повлияло взятие Минска войсками его армии. Под влиянием этого события Местр писал: «Не наступил ли торжественный момент божественной мести?» (XII, 297) В том же письме он приводил слова одного высокопоставленного лица, сказанные ему за два дня до этого: «Надо отдать должное Адмиралу. Еще месяц назад ему следовало бы отрубить голову, но теперь надо согласиться с тем, что он действует подобающим образом» (XII, 301).

20 ноября столичной публике стал известен план Александра I по окружению и уничтожению наполеоновской армии при Березине. Правда к моменту публикации этого плана в газетах он уже был окончательно провален. 17 ноября Наполеон, обманув Чичагова, ушел на Запад, а 22 ноября «Санкт-Петербургские ведомости» в приложениях опубликовали донесение М. И. Кутузова от 15 ноября из местечка Круглое: «Из полученного сего дня Генерала от кавалерии Графа Витгенштейна рапорта усмотрел я, что выполняется общий план, Вашим Императорским Величе-

ством присланный; ибо Адмирал Чичагов со вверенною ему армиею, разбив авангардом своим Генерала Домбровского, прибыл с корпусом Генерала Графа Ланжерона 9 числа в город Борисов. Из рапорта же, полученного сей час от Графа Платова, известился я, что Граф Витгенштейн 13 Ноября прибыл в село Барани. Главный мой авангард под командою Генерала Милорадовича сегодня в м. Бобре. Казачьи полки Графа Платова в м. Крупках, занимая также некоторые места слева от большой дороги для наблюдения за движением неприятеля. Главная армия завтрашнего числа имеет быть в окрестностях д. Ухвала, что на дороге из м. Бобра к м. Березину. Причины сего марша имел я щастие объяснить в рапорте моем, к Вашему Императорскому Величеству прежде сего представленном».¹⁶

Местр по-русски не читал и подробности этого плана узнал, видимо, из разговоров. В письме к Виктору Эммануилу от 24 ноября 1812 г.¹⁷ он излагал не сам план, а свою версию, делая акцент на предполагаемых действиях Чичагова: «Наполеон, судя по всем донесениям, идет на Борисов, все распоряжения фельдмаршала князя Кутузова направлены на то, чтобы помешать ему пройти и разбить его при переходе через Березину. Он послал генерала Милорадовича и гетмана Платова, чтобы отрезать его справа. Он значительно усилил графа Витгенштейна, и в случае перехода Наполеона через Березину он приказал бы адмиралу Чичагову, прибывшему 21-го в Борисов, закрепиться на правом берегу реки, и атаковать французов в лоб при их переправе, и использовать труднопроходимую местность Зембина. В то же время главная армия шла к местечку Березино, чтобы помешать французам идти на Игумен, где они нашли бы значительные припасы» (XII, 313).

Из этого отрывка видно, что общественное мнение допускало возможность того, что Наполеон перейдет Березину. Именно на этот случай и была предусмотрена армия Чичагова. Следовательно, исключительно на него петербургская публика возлагала ответственность за поимку Наполеона. Это, в ее глазах,

¹⁴ По современным данным, «общая численность неприятельских войск достигала 20 тыс. человек, из них 10 тыс. в первой линии» (Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 года: энциклопедия: в 3 т. Т. 3. М., 2012. С. 616).

¹⁵ См. об этом: Харкевич В. И. 1812 год. Березина: Военно-историческое исследование. СПб., 1893. С. 47.

¹⁶ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» (1812. 22 нояб. № 94). На следующий день этот же текст был опубликован в Прибавлении к «Северной почте» 23 ноября 1812, № 94, а через неделю — в «Московских ведомостях» (1812. 30 нояб. № 96).

¹⁷ Это дата начала письма, которое Местр писал примерно неделю, сообщая своему сюзерену новости, следующие беспрерывно с театра военных действий.

освобождало Витгенштейна от необходимости во что бы то ни стало брать Наполеона в плен. Когда Наполеон 17 ноября перешел Березину, в Петербурге, еще не зная, как будут разворачиваться события на правом берегу, праздновали победу Витгенштейна. Формальным поводом послужило взятие в плен дивизии генерала Партуно, прикрывавшей переправу Наполеона. 6 ноября, когда Наполеон уже покинул армию, в Петербурге, как сообщает Местр, отслужили молебен в честь победы Витгенштейна у Студянки, где, строго говоря, победу одержал Наполеон. В письме к жене от 17 ноября Витгенштейн писал: «Я слышу канонаду на другом берегу Березины». Поскольку он уже был объявлен победителем, то ответственность за происходящее на правом берегу с него была снята, и петербургская публика снова взялась за Чичагова: «Итак, что же произошло с этой стороны? Вопросы следуют один за другим, и язвительные шутки снова дождем льются на Адмирала» (XII, 315).

Публикация вышеприведенного донесения Кутузова от 15 ноября, сделанная с согласия царя, не имела смысла, так как именно этого числа Наполеон начал переправу, оставив армию Кутузова позади себя в шести переходах. Александр I к тому времени уже знал, что «план не удался» (XII, 315), но будоражить этим известием умы он не хотел, понимая, что французы покидают Россию и кампания 1812 г. заканчивается. Широкая публика о провале Березинской операции узнала значительно позже царя. Что касается Местра, то он, как и узкий круг дипломатов, был извещен об этом самим царем не позже 29 ноября. Чичагов же стал жертвой общественного гнева не позже 17 декабря, о чем свидетельствует донесение Местра от этого числа: «Здесь раздаются громкие крики против адмирала Чичагова, который, придя из Минска, где его уже обвинили в опоздании, мог, как говорят, остановить и захватить Наполеона» (XII, 337).

Чичагова такая реакция не удивила. Еще не зная об обвинениях и насмешках, он в письме к С. Р. Воронцову излагал свою версию событий: «Меня назначили командовать Дунайской армией, как предполагалось, для ведения отвлекающих действий как на суше, так и на море. Я должен был этому способствовать, но обстоятельства потребовали присутствия этой армии внутри страны, и Император пожелал, чтобы я продолжал ею командовать. Поспешное отступление Наполеона заставило

желать полного уничтожения его сил. Я должен был соединить под своим командованием около 160 тыс. человек и помешать ему покинуть страну, остановив его при переправе через Березину. Маневры были столь успешны, что, вместо 160 тыс. человек, я оказался во главе 16 тыс. лицом к лицу с Наполеоном в указанном выше месте. Он имел, по крайней мере, 120 тыс. человек, более 300 пушек и все остальное в тех же пропорциях. Я его держивал в течение 4 дней, разрушая все мосты и препятствуя переправе через эту реку. Наконец, он, сделав усилие, под прикрытием мощной батареи смог переправиться. Между тем река была завалена трупами, имуществом и экипажами. По истечении времени у него на хвосте прибыли наши армии. Часть его войск была захвачена раньше, чем смогла переправиться на другой берег, остальная бежала. Преследуя его от Березины до Вильны, я захватил 150 орудий, я уничтожил его арьергард и взял более 200 тысяч пленных, не считая замерзших на дороге, убитых и умерших от голода и истощения. Прибывшие в Вильно, они не имели времени воспользоваться своими магазинами, так как мы прибыли на их плечах: нам досталось более 50 пушек, от 7 до 8 тыс. пленных, бесчисленное количество больных, раненных всех рангов. <...> Тем не менее, так как я не взял самого Наполеона, я считаю, что мною будут недовольны, несмотря на огромные результаты. Я утешаю себя только тем, что это, может, снова поможет мне выйти в отставку, что мне лучше всего подходит».¹⁸

Воронцов был хорошо информирован о том, что происходит в России. Еще в августе 1812 г. он узнал о предательской выходке («tour perfide») канцлера Румянцева по отношению к Чичагову из письма П. И. Полетики, который сообщал: «Едва он [Чичагов] отправился в дорогу, чтобы подписать Бухарестский мир, как был послан курьер к генералу Кутузову с приказом подписать мир безотлагательно. Курьер обогнал Чичагова, и все было устроено до его прибытия в Бухарест. Таким манером, достойный генерал дорого заплатил за апоплексический удар, поразивший канцлера, потому что мир с турками принес Кутузову титул светлейшего князя, передаваемый по наследству, не считая весьма цен-

¹⁸ Архив князя Воронцова. Т. 19. М., 1881. С. 175, 176.

ных подарков, которые турки дают по своему обычаю».¹⁹

Когда общественное мнение обрушилось на Чичагова, Воронцов обратился к Н. М. Лонгинову, секретарю Елизаветы Алексеевны, с просьбой сообщить о том, что говорят в Петербурге о Чичагове. Лонгинов, видимо не посвященный в отношения Воронцовых и Чичагова, дал резко отрицательную характеристику адмирала, пересказав светские и придворные сплетни. В его изложении получалось, что адмирал проявил неспособность командовать сухопутными войсками, вел себя самонадеянно и не слушал приказов Кутузова, который якобы командовал всем и всеми на Березине. Преступное неповиновение Чичагова приказам главнокомандующего стало причиной того, что Наполеон сумел уйти вместе с остатками армии. Причину этого Лонгинов усматривал в характере Чичагова: «Я думаю, нет необходимости распространяться о характере адмирала. Ваше превосходительство, должно быть, давно знает, насколько он тяжел и неприятен».²⁰ Воронцов не нуждался в рассуждениях о характере Чичагова: он был о нем противоположного мнения. «Это редкий человек: к великолепному уму и образованию он присоединяет необыкновенную скромность и абсолютно ангельскую мягкость характера», — писал он сыну Михаилу 19 октября 1812 г.²¹

Свое мнение о Чичагове Воронцов, видимо, не скрыл и от Лонгинова, о чем можно судить по ответному письму секретаря: «Я не менее огорчен, г-н граф, заслужив ваши упреки за то, что я взял смелость писать по поводу графа Ростопчина и адмирала Ч[ичагова]. Конечно же, ни в моем возрасте, ни в моем положении нельзя судить о государственных людях, занимающих столь высокое положение».²² Это письмо писалось в тот же день (2 июня 1813 г.), что и депеша Местра сардинскому королю. Для правильного понимания этой депеши надо учитывать то, что Местр никогда не считал, что в 1812 г. русские одержали победу над Наполеоном. С военной точки зрения Наполеон войну не проиграл: он пришел, сжег Москву и ушел обратно, когда сам решил это сделать; Кутузов лишь проводил его до границы. Местр писал: «Этот русский поход не постижим: отправиться из Парижа, чтобы

прийти сжечь или заставить сжечь Москву — задним числом в это трудно поверить. А ведь ничего другого не получилось».²³

Подводя итоги кампании, Местр писал не об успехах русского оружия, а о нравственных конфликтах, разъедавших русскую армию. Причина их виделась ему в том, что во главе армии был поставлен Кутузов — человек безнравственный, но популярный в русском обществе. В силу возраста и плохого физического состояния («более чем шестидесятилетний старик, слабохарактерный, вялый и почти слепой»²⁴) он мог командовать войсками, но активно занимался интригами. Одной из жертв его интриганства стал М. Б. Барклай де Толли, которого он выжил из армии, свалив на него вину за оставление Москвы. Но главная нравственная коллизия разыгралась на Березине, где столкнулись интересы Кутузова и Чичагова.

По мнению Местра, Чичагов — «одна из самых замечательных фигур в России. В настоящее время никто из людей его положения не только не превосходит его, но даже не может сравниться с ним в уме, быстроте суждений, силе характера, в справедливости, в любви к заслугам, кому бы они ни принадлежали, в бескорыстии и даже в строгости нравов. Эти прекрасные качества омрачаются двумя пятнами: первое, на которое можно было бы не обращать внимания, если бы не второе, — это его образ мыслей, касающихся религии, который ни православный, ни католический; второе — это его презрение и даже глубокая ненависть ко всем учреждениям его страны, в которых он видит только глупость, невежество, бандитизм и деспотизм». Далее Местр делал важную оговорку: Чичагов «в большей степени русский, чем кто бы то ни был, потому что он ненавидит не Россию, но ее пороки и злоупотребления, но это тонкое различие, недоступное большинству, не извиняет, впрочем, горькую критику и ужасные сарказмы, которые он позволяет себе против своей страны». Местр говорил о расположении Александра I к Чичагову и о том, что это не только не примирило с Чичаговым общественное мнение, но и вредило самому царю, которому отказывали в праве называться русским, так как «он не любит Россию, а любит тех, кто ее ненавидит». Местр объяснял это тем, что император «более

¹⁹ Там же. Т. 30. М., 1884. С. 423.

²⁰ Там же. Т. 23. М., 1882. С. 233.

²¹ Там же. Т. 17. С. 2, 3.

²² Там же. С. 263, 264.

²³ Там же. Т. 15. М., 1880. С. 506.

²⁴ Там же. С. 486.

продвинул (*plus avancé*), чем его нация. ... Если бы он так не возвышался над ней, его, должно быть, больше любили».²⁵

Местр был уверен в том, что интрига против Чичагова была спланирована Кутузовым и его окружением, внушавшим обществу мысль о том, что именно Чичагов должен поймать Наполеона — «мнение, подготовленное людьми, которые хорошо знали, что они делают».²⁶ Между тем Беннигсен еще до сражения под Красным (3–6 ноября) предупреждал Александра I: «В результате медлительности и слабости, с которыми мы преследуем врага, у адмирала Чичагова не хватит сил остановить врага на Березине».²⁷ Здесь Местр подошел к важнейшему для Чичагова пункту о соотношении сил. Первоначально адмирал оценил количество людей у Наполеона в 70 тыс. Эти сведения попали в Англию, где нашли их сильно преувеличенными.²⁸ Позже Чичагов, опрашивая пленных, узнал, что французов при переправе через Березину было 120 тыс. Адмирал очень страдал от своей первоначальной ошибки и, особенно, от того, что она стала достоянием общественного мнения в Англии. В письме от 25 мая он настоятельно просил Воронцова, «если возможно... разъяснить англичанам это заблуждение».²⁹

Кутузов, судя по донесению Местра, сам стал заложником общественного мнения, ожидавшего от Чичагова пленения Наполеона. Местр писал: «Маршал, чувствуя себя абсолютно неспособным нанести смертельный удар Наполеону, умер бы от страха, если бы оказался на Березине, и, с его известными представлениями о нравственности, он предпочел бы в тысячу раз скорее выпустить бы Наполеона, чем увидеть его в руках Чичагова. Кутузов ненавидел адмирала как соперника, способного похитить часть его славы, и как морского офицера, обученного сухопутной службе. Словом, он не упустил ничего, чтобы перейти Чичагову дорогу и даже погубить его».³⁰ Интрига Кутузова, с точки зрения Местра, легла на благоприятную почву

и была поддержана «силой предрассудков, порожденных духом партий и национальной гордости. Эта гордость хотела героя, и он был сделан, как ящик или башмак, она хотела жертвы, ответственной за все неудачи, и она также создала ее».³¹ Кутузов за свои действия заслуживал не наград, а суда, и если бы беспристрастный суд был возможен, то Местр не был уверен в том, сохранил ли бы фельдмаршал голову.³²

Местр не ограничивается тем, чтобы представить Чичагова жертвой кутузовских происков. Если бы ситуацию можно было свести к личному конфликту, которого, кстати сказать, не было (внешне отношения Чичагова и Кутузова оставались нормальными), то Чичагов вполне мог быть оправдан царем в глазах общественного мнения. Именно на этом настаивал С. Р. Воронцов. Но Местр хотел показать, что конфликт Чичагова и Кутузова является отражением более глубокого конфликта русского европейца и русской нации в целом. Александр I при всем желании оправдать Чичагова в глазах общественного мнения не мог этого сделать. Местр поясняет: «Император, происходящий от германского племени, добр и более зрел, чем его народ, и ему это хорошо известно. Если бы он стал в настоящее время противоречить своей нации и громко высказался в поддержку Чичагова, то он подверг бы себя большой опасности».³³

По мнению Местра, в этом заключается одна из особенностей российского депотизма, который лишь с виду кажется неограниченным: «В мире много говорят о неограниченной власти русского императора, но забывают, что князь менее всего могуществен там, где он может все. Невозможно избавиться от пошлой мании судить о власти государей по тому, что они могут делать, в то время как она должна оцениваться по тому, что они не могут делать. Когда видят султана или царя, приказывающего по собственной прихоти отрубить голову или наказать кнутом человека, то говорят: “О, как он могуществен!” Но надо сказать: “О, как он слаб”, так как на следующий день его могут самого задушить. Насилие принимают за силу. Между

²⁵ Там же. С. 491, 492.

²⁶ Там же. С. 496.

²⁷ Там же. С. 497.

²⁸ Там же. Т. 19. С. 188.

²⁹ Там же. С. 189. Местр насчитывал 95 тыс. Современные историки оценивают силы Наполеона в 30–40 тыс. боеспособных людей и примерно столько же небоеспособных. Англичане, в общем, были правы в оценке первоначальных сведений Чичагова (70 тыс. чел.) как преувеличенных.

³⁰ Архив князя Воронцова. Т. 15. С. 498.

³¹ Там же. С. 502.

³² Там же. Сэр Роберт Вильсон также неоднократно утверждал, что «ежели французы достигнут границ неразбитыми, то маршал, при всей его старости и немощи, должен быть расстрелян» (Вильсон Р. Т. Указ. соч. С. 80, 97).

³³ Архив князя Воронцова. Т. 15. С. 502.

тем они отличаются как сладкое и пресное. При желании легко доказать кому угодно, что наш государь и его коллеги (collègues) несравненно более самодержавны и независимы, чем российский император, который, несомненно, еще долго, может быть, не сможет воздать должное адмиралу, как бы искренне он ни хотел этого сделать».³⁴

Превращая Кутузова в символ враждебных Чичагову сил, Местр даже не упрощал, а искажал реальную картину. По-другому ситуацию трактовал С. Р. Воронцов: к Кутузову он относился с уважением, а источник интриг против Чичагова видел в канцлере Румянцеве. Об этом Воронцов писал своему другу из Лондона: «Источником неприятностей, которые вы испытываете, является коварство Румянцева, убедившего своими письмами поверить Кутузова, что вы своими интригами стремились лишить его чести подписать мир с турками, которых он победил. Маршал Румянцев³⁵ имел честь заключить мир. Князь Потемкин был также полномочным представителем при заключении мира и уже собирался его подписать, как умер. Неудивительно, что Кутузов был раздражен против вас. Но я убежден, что он не обвинял вас ни письменно, ни устно. Он слишком умен, рассудителен и хитер, чтобы так неловко и непристойно себя компрометировать. Это сделали другие, и особенно сами министры, и особенно этот презренный Румянцев, который, недовольный тывканьем против вас, подогревал княгиню Кутузову, и эта баба-сплетница, исполненная тщеславия, кричала громче тех, кто заставлял ее кричать».³⁶

В этом же письме от 1 августа 1813 г. Воронцов советовал Чичагову объясниться с императором в присутствии Кутузова: «Я уверен, что, прежде чем покинуть армию, вам следовало бы съездить в Главную квартиру в Калише и попросить аудиенции у императора, настояв в присутствии на ней Кутузова, и после того, как вы изложите им все то, что вы сделали, приведете уведомления и приказы,

которые вы получали, добавив, что из писем, получаемых из Петербурга, вам стало известно, что вас обвиняют, что вы с армией упустили Бонапарта, вам честь слишком дорога, чтобы не просить, а даже настаивать на военном суде; я глубоко убежден, что после всего этого Кутузов был бы вынужден воздать вам должное и признать в присутствии императора, что вас невозможно в чем-либо упрекнуть. После этого вы были бы награждены за ваши действия, и даже ваши хулители вынуждены были запеть по-другому. Тогда вы могли бы выйти в отставку не как человек, попавший в немилость у государя, а как человек, испытывающий отвращение к интригам, которые ваш благородный характер всегда ненавидел».³⁷

Попытка такого объяснения с царем, правда без Кутузова, состоялась, о чем Чичагов уведомлял Воронцова в письме из Ораниенбаума от 15 сентября 1813 г. По прибытии Александра I в Вильно Чичагов попросил у него аудиенцию, которую сразу же получил. Чичагов писал: «Император допустил меня в свой кабинет и оказал мне внешне самый ласковый и самый сердечный, какой только возможно, прием. Я спросил тогда его величество, не имеет ли оно каких-либо претензий ко мне. Он ответил мне, что ему все известно и что ему меня не в чем упрекнуть. Но еще до этого Кутузов сказал мне, что не стоит обращать внимание на то, что говорится, что его также упрекают во многих вещах, но он не придает этому значения. Это было единственное его участие во мне».³⁸ Сам Чичагов не настаивал на том, что именно Кутузов является главным инициатором интриги против него, но и Воронцов не убедил его в том, что за всем стоял Румянцев. У Чичагова была собственная версия, которую он позже изложил в автобиографических «Записках», назвав главным своим врагом А. С. Шишкова: «К счастью или к несчастью, у меня такой характер — это другое дело, но я приобрел себе в Шишкове большого врага, который наделал мне много зла впоследствии, вооружив Кутузова против меня».³⁹

Кутузов, как это следует из совокупности источников, не стремился во всем обвинить Чичагова. Но он понимал, что на него как на главнокомандующего ложится вся полнота ответственности за провал Березинской операции. И не в его характере было признавать

³⁴ Там же. С. 508.

³⁵ Имеется в виду отец упоминаемого Румянцева П. А. Румянцев-Задунайский, подписавший Кючук-Кайнарджийский мирный договор в 1774 г.

³⁶ Архив князя Воронцова. Т. 19. С. 294, 295. В 1816 г. в Лозанне в разговоре с Байроном Чичагов привел слова вдовы Кутузова Екатерины Ильиничны: «Мой муж спас Россию, Витгенштейн — Петербург, а Чичагов — Наполеона» (цит. по: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 403).

³⁷ Архив князя Воронцова. Т. 19. С. 295, 296.

³⁸ Там же. С. 197.

³⁹ Чичагов П. В. Указ. соч. С. 636.

свои ошибки перед царем. Поэтому он в своем донесении от 16 ноября 181 г., когда Наполеон еще не успел переправиться на другой берег, писал об ошибках, допущенных Чичаговым. Чуть позже, когда переправа была совершенна, Кутузов изменил свое мнение и попытался переложить вину на Витгенштейна.⁴⁰ 28 ноября он написал любезное письмо Чичагову: «Благодарю Вас, милостивый государь мой, Павел Васильевич, за все то, что произошло со времени сближения Вашего с нами, и наконец благодарю Вас за Вильну. Лестно всякому иметь такого сотрудника и такого товарища, какого я имею в Вас».⁴¹

В чем же причина того, что общественное мнение изначально было настроено против Чичагова? Думается, этому во многом способствовала позиция адмирала после Тильзитского мира. Он выступал не только против войны с Францией, но и за союзный договор с ней. В этом отношении он даже разошелся с С. Р. Воронцовым. Стремясь быть последовательным, Чичагов высказывал симпатию к Наполеону и ненависть к англичанам, что, впрочем, не мешало ему считать Англию образцом государственного устройства и противопоставлять ее в этом отношении России. Французский посол в России А. де Коленкур сообщал в Париж: «Я часто вижу морского министра адмирала Чичагова. Уверяют, что он всегда был против войны с Францией и защитником договора Убри».⁴² В другом донесении, от 7 января 1808 г., Коленкур пересказал свой разговор с Александром I о Чичагове:

«Император. Вы довольны Чичаговым? Он женат на англичанке, но кто не является большим энтузиастом императора Наполеона и не служит мне лучше в духе Тильзита, чем он. Этот человек ненавидит Англию.

Посол. Мне казалось, что он воодушевлен наилучшим образом и полностью предан В[ашему] В[еличеству]. Судя по его словам, он не любит англичан, и мы настолько согласны в этом, что часто с ним видимся.

Император. Я очень рад этому. Это человек, который не останавливается перед трудностями».⁴³

Когда в 1810 г. Чичагов отправился во Францию,⁴⁴ Коленкур рекомендовал его министру иностранных дел Ж. Б. Шампаньи как друга Франции и «человека, на которого можно рассчитывать».⁴⁵ С Наполеоном у Чичагова сложились внешне вполне дружеские отношения. Они вместе охотились в Мальмезоне, и, кроме того, Чичагов был допущен в узкий круг придворных лиц, что вызвало беспокойство русского посла в Париже князя А. Б. Куракина.⁴⁶ Но там же, во Франции, Чичагов изменил свое отношение к Тильзитскому миру, оценив негативные последствия континентальной блокады, лежащей в основе русско-французского союза. В письме к Воронцову от 26 марта 1810 г. он писал: «Возвращаясь к печальному предмету, должен вам сказать, что одним росчерком пера мы стали беднее на две трети. Рубль, который был от 60 до 70 су, стал теперь 28, мука в Петербурге выросла с 18 до 25 рублей, дрова с 12 до 15, сукно с 35 до 50 за аршин и т. д. и т. д. Я не говорю о сахаре, без него можно обойтись за завтраком, но не за обедом. Таким образом, те, кто остаются в стране, теряют еще больше, чем те, кто из нее выезжают, с учетом различия в образе жизни в России и за границей. Самоуправное и безрассудное проявление абсолютизма разрушило зарождающуюся, было, понемногу национальную промышленность, а непрекращающиеся нововведения и изменения привели к тому, что расшатали мало-помалу доверие, которое еще оставалось к правительственным мерам».⁴⁷

Однако эти отдававшие консерватизмом взгляды Чичагов не считал нужным открыто проповедовать в России. Он предпочитал держаться вне лагерей и партий и поэтому оставался в глазах петербургского общества франкофилом и человеком ненавидящим Россию,

⁴⁰ См.: Харкевич В. И. Указ. соч. С. 209.

⁴¹ Цит. по: Там же.

⁴² Цит. по: Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. 1. СПб., 1905. С. 49. Имеется в виду договор с Наполеоном о мире, подписанный 8 июля 1806 г. чрезвычайным посланником в Париже П. Я. Убри и не ратифицированный Александром I.

⁴³ Цит. по: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 57.

⁴⁴ О формальной и фактической причинах этой поездки Чичагов писал Воронцову из Парижа 26 марта 1810 г.: «Не знаю, известно ли Вам, что я с женой и детьми в Париже. Состояние нашего здоровья способствовало или, точнее, послужило предлогом для этой поездки. Но истинным мотивом было желание выбраться из бездны хаоса, некомпетентности, абсурда и самого подлого рабства» (Архив князя Воронцова. Т. 19. С. 168).

⁴⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 4. СПб., 1906. С. 242.

⁴⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1905. С. 273.

⁴⁷ Архив князя Воронцова. Т. 19. С. 169, 170.

что поддерживалось слухами о его «дружбе» с Наполеоном. Для столичного дворянства, недовольного союзом России и Франции, Чичагов, наряду со Сперанским и Румянцевым, воплощал наихудшие стороны александровской политики. Хотя отношение Чичагова к Сперанскому, как и ко всем правительственным реформаторам, было отрицательным,⁴⁸ столичные слухи ставили его имя в один ряд с самыми откровенными франкофилами. 9 августа 1809 г. Коленкур, сообщая в Париж о возможном заговоре при дворе, писал, что заговорщики в случае победы «велят арестовать Румянцева, Чичагова и Сперанского. ... Что касается Александра, то, несомненно, его надо будет убить».⁴⁹ Когда Чичагов уже был во Франции, в Петербурге говорили, «что адмирал сошел с ума и потребовал паспорт, для того чтобы ехать в Англию, что он выехал из Парижа, оставив там в беспокойстве жену и детей, и что его, сумасшедшего и бегущего, как разбойника с большой дороги арестовали в Мюнхене».⁵⁰

Слухи о Чичагове подогревались и его поведением. Федор Петрович Толстой, служивший одно время адъютантом Чичагова, вспоминал: «Павел Васильевич очень умен и очень образован. Будучи прямого характера, он был удиви-

тельно свободен и прост, как ни один из других министров, в присутствии и разговорах с царем и царской фамилией. Зная свое преимущество по наукам, образованию, твердости и прямоте характера над знатными придворными льстецами, он обращается [с ними] с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что он ненавидим почти всем придворным штатом и всею пустою и высокомерною знатью. Но император и императрица Елизавета Алексеевна его очень любят. С низшими себя, со своими подчиненными и просителями, которых всегда принимал без всякого различия чинов и звания, обращается весьма приветливо и выслушивает просьбы последних с большим терпением».⁵¹

Таким образом, Чичагов действительно был идеальной фигурой, на которую можно было свалить неудачи Березинской операции. Адмиралу мстили в первую очередь за его высокомерное поведение и презрительные высказывания о России. Сам же он, давно думая об эмиграции, стремился оправдаться не столько перед лицом соотечественников, сколько перед европейским общественным мнением. В лице Жозефа де Местра он нашел одного из немногочисленных при своей жизни горячих сторонников.

Vadim S. Parsamov

Doctor of Historical Sciences, Higher School of Economics (Moscow)

E-mail: parsamovs@gmail.com

JOSEPH DE MAISTRE AND ADMIRAL P. V. CHICHAGOV

The article presents a study of the role of Joseph de Maistre in restoring the reputation of P. V. Chichagov after the failure of Berezino operation in November 1812. Incisive de Maistre's comments completely exonerating Chichagov and blaming M. I. Kutuzov both for his inaction during the stay of Napoleon's army in Russia and for his intrigues against Chichagov are critically analyzed and compared with the opinions of other contemporaries of the events, particularly, S. R. Vorontsov, for whom the main author of slanderous accusations against Chichagov was Chancellor N. A. Rumyantsev. According to Vorontsov Rumyantsev managed to create a collision between the interests of Chichagov and Kutuzov during the signing of the Bucharest Peace Treaty. However the main reason for the negative attitude of the Russian society to Chichagov in 1812 was not anyone's ill will, but his reputation of a Galloman and Napoleon's fan, for which Chichagov was known even before the 1812 war.

Key words: *P. V. Chichagov, J. de Maistre, Berezinskaya crossing, M. I. Kutuzov, S. R. Vorontsov, N. A. Rumyantsev*

⁴⁸ См.: Там же. С. 170.

⁴⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 6. СПб., 1908. С. 74.

⁵⁰ Там же. Т. 6. С. 148.

⁵¹ Записки графа Федора Петровича Толстого. М., 2001. С. 141.

REFERENCES

- Alekseev M. P. *Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka)* [Russian-English literary connections (XVIII century – the first half of the XIX century)]. Moscow: Nauka Publ., 864 p. (in Russ.).
- Chichagov P. V. *Zapiski* [Memoirs]. Moscow: Rossiyskiy arkhiv Publ., 2002, 800 p. (in Russ.).
- Otechestvennaya voyna 1812 goda i Osvoboditelnyy pokhod russkoy armii 1813–1814 goda: entsiklopediya* [The War of 1812 and the liberation march of the Russian army 1813–1814 year: Encyclopedia]. Moscow: ROSCPEN Publ., 2012, Vol. 3, 760 p. (in Russ.).
- Stepanov M. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], 1937, Vol. 29–30, pp. 576–625. (in Russ.).
- Vigel F. F. *Zapiski* [Memoirs]. Moscow: Zakharov Publ., 2003, Book 2, 752 p. (in Russ.).
- Vilson R. T. *Dnevnik i pisma 1812–1813* [Diary and Letters 1812–1813]. St. Petersburg: IN-APRYeSS Publ., 1995, 310 p. (in Russ.).
- Zapiski grafa Fedora Petrovicha Tolstogo* [Notes of Count Fyodor Petrovich Tolstoy]. Moscow: RGGU Publ., 2001, 320 p. (in Russ.).